

МЕЛОЧИ И ГАРМОНИЯ ИСКУССТВА

ПО-РАЗНОМУ запечатлеваются встречи с искусством, разной силы рождают они душевный отклик. По-особому запомнился мне один из «Голубых огоньков», где среди многих концертных номеров прозвучала волнующая песня поэта М. Матусовского и композитора В. Баснера «На безымянной высоте». Пел Юрий Гуляев. Среди собравшихся в студии телевидения находились двое чудом уцелевших фронтовиков из тех восемнадцати ребят, о которых поется в песне. Присутствие их рождало особенную, волнующую атмосферу вечера.

Гуляев пел... И вот один из героев песни, немолодой, поседевший человек, медленно встал. За ним поднялся и его товарищ. Они стояли как бы в почетном карауле у той самой землянки «в три наката», возле которой погибли их друзья далеких военных лет. И бывалые войны, не раз смотревшие смерти в глаза, не в состоянии

были сдержать слез. Вслед за солдатами встали со своих мест и все находившиеся в студии. И молча, торжественно стояли до тех пор, пока звучала эта песня-напоминание, песня памяти сердца.

Я благодарно подумал еще и о том, что режиссер и оператор передачи проявили в этой неожиданной возникшей, волнующей ситуации чувство художественного такта, меры, не дробя сцену на привычную смену кадров, планов, наездов, ракурсов. И потому она дошла до зрителя, захватила его, глубоко взволновала.

Я думал еще и о певческом даре Гуляева, о его привлекательном облике молодого советского артиста, манере держать себя на концертной эстраде. Я обратил внимание также и на то, что певец не облачился в концертный фрак. Этот эстрадный атрибут в передаче мог бы быть не к месту, выпадать из общей простой, задушевной тональности вечера.

В таких, казалось бы, на первый взгляд, незначительных дета-

лях сказывается присущее настоящему художнику чувство меры, артистической предусмотрительности. Малейший диссонанс способен порой нарушить тончайшую гармонию искусства и повлечь за собой неизбежные эстетические потери. Мелочей в искусстве не должно быть. А между тем как часто именно досадные мелочи портят хорошие концерты, спектакли, фильмы.

ТАК недавно, например, я был на одном концерте молодых исполнителей. Певица исполняла полную высокого драматического звучания арию Вани из гениального творения Глинки «Иван Сусанин». Спела хорошо. Но при чем здесь модная мини-юбка, в которую «вырядилась» молодая артистка?

Мода — вещь, конечно, хорошая. Но всему должен быть предел, особенно в искусстве. Без преувеличения скажу, недавно я с болью смотрел пьесу времен Великой Отечественной войны. На сцену вышли молодые актеры с длинными шевелюрами и бакенбардами, которых в те годы не только на фронте, но и в тылу не носили. Вы представляете

себе, как нелепо сидели на этих молодых актерах форменные фуражки! Ни о какой достоверности, правдивости образа и речи быть не могло.

Мне довелось видеть в постановке одного народного театра пьесу А. М. Горького «На дне». Шел спектакль на московской сцене. Ревниво следил я за каждым движением артистов, за исполнением ими ролей. Но вот у актера, играющего роль Барона, отклеился ус. Он все время, как флюгер, шевелился на лице исполнителя. Артист рукой придерживал отваливающуюся часть уса, при этом стараясь как можно лучше произносить слова роли. Но ему и в голову не приходило, что этот отвалившийся ус отвлекал внимание, раздражал зрителей.

Вы скажете — мелочь? Нет, такие мелочи в совокупности наносят большой вред искусству. Этот артист из народного театра перед выходом на сцену не проверил свой грим, проявил небрежность, причем досадную, а значит пренебрег зрителем.

НЕЛЬЗЯ рассчитывать на то, что в общем потоке повседневных передач, эстрадных концертов, спектаклей мелкие просчеты промелькнут никем не замеченными, не оказав сколько-нибудь

заметного влияния на процесс эстетического формирования советского человека.

Нет, это неверно. И именно в борьбе с так называемыми «мелочами» во имя большого, настоящего искусства я и призываю.

Мельчайший психологический нюанс, пауза, интонация, постановочный стрих, световой блик, наконец, внешний облик артиста, музыканта — все должно быть строго подчинено общему звучанию темы.

ВСПОМИНАЮ одну телевизионную передачу. С экрана молодая женщина рассказывала трагическую историю, связанную с найденными ею документами. Она поочередно показывала бумаги зрителям. От чудом уцелевших дневников, писем, записок веяло ужасом вражеских застенков, человеческих страданий, гибели. Это потрясло. Но в один из моментов (это был крупный план) я невольно обратил внимание на руки ведущей передачу. Густой слой перламутрового лака эффектно «играл» на ее тщательно отшлифованных, длинных ногтях... Еще запомнились какой-то браслет,

кольца, кокетливая прическа... И все — не без тайного умысла малость покрасоваться в кадре...

МАЛОСТЬ! В ней-то частенько все дело. Но какое от этого

несоответствие достоверного материала и приукрашенной формы его передачи. К таким предметам, как эти дневники, письма, записки, надо прикасаться бережно, трепетно, с каким-то особым душевным настроением, а не небрежными холерными «перстами».

Все это может показаться иному читателю придирками, раздраженным брюзжанием. К сожалению, все сказанное имеет самое прямое отношение к большой и сложной проблеме воспитания вкуса, воспитания воспитанности и подлинно хорошего тона.

К. С. Станиславский учил: артист — проповедник красоты и правды. Мне хочется добавить к этому, что любой из мастеров искусств должен быть проповедником красоты и правды даже и в мелочах. Потому что иначе мелочи эти своим диссонансом смогут погубить гармонию искусства.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.